

Николай Кокухин

А Г Н И Я

рассказ

Я давно мечтала попасть в Иерусалим на схождение Благодатного Огня – увидеть его, прикоснуться к нему, а самое главное, прочувствовать это событие. Каждый год я собиралась осуществить свою самую заветную мечту, но все никак не получалось: то с работы не отпускают, то семью нельзя оставить, то с деньгами затруднение. Уже все мои подруги съездили, друзья, знакомые, одна я осталась. Сколько раз я слышала о Благодатном Огне – как его ждут, как он сходит и что потом происходит в Храме, но все это было *с другими людьми, а не со мной*. А ведь лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Наконец я решила: если в этом году не поеду, значит, никогда не поеду. Денно и ночью молилась святым угодникам. И все устроилось чудесным образом: и с работы отпустили, и дома никаких проблем, и денег достаточно.

И вот я шагаю по улицам Иерусалима и думаю: я это или не я? Дай, думаю, ущипну себя, может, это сон, и все

мгновенно исчезнет. Ущипнула, а все осталось на месте. Значит, это не сон, а явь.

И жила я не где-нибудь, а в Горненском монастыре. Я об этом и мечтать даже не могла. И паломницы в нашей группе подобрались лучше некуда: внимательные, предупредительные, отзывчивые. Может, в обыденной жизни они иные, но тут, в Святой Земле, иными быть нельзя.

Началось знакомство с Палестиной. Мы были и в Вифлееме, не только воздух, но и камни которого помнят Младенца Христа, и в Иерихоне, и на Сорокадневной Горе, где Иисус постился, и на Иордане, воды которого целебнее всех лекарств мира. Но я ждала главного, ради чего сюда приехала, – Благодатного Огня.

В пятницу вечером вместе со своими новыми подругами-паломницами я пришла в Храм Гроба Господня, чтобы провести здесь ночь, а утром увидеть долгожданное Чудо. Все так делали, и мы решили последовать их примеру. В Храме мы застали и болгар, и англичан, и французов, и чехов, и словаков, и сербов, но больше всего было, конечно, греков. Вот и хорошо, будем вместе ждать.

– В прошлом году, да и в позапрошлом на ночь в Храме никого не оставляли, – сказала моя новая подруга Людмила Леонидовна; она была очень опытной паломницей и знала все. – Посмотрим, что будет в этом.

– В этом все будет нормально, – откликнулась Варвара Васильевна, женщина примерно моих лет; в паломнических поездках она прошла огонь, воду и медные трубы. – Греки мне передали, что Иерусалимский

Патриарх благословил желающих остаться на ночь в Храме.

– Ну, тогда нам не о чем беспокоиться, – заверила Людмила Леонидовна.

Мы сидела на раскладных стульчиках в каких-нибудь десяти метрах от Кувуклии. Ночь в любом храме проходит быстро, я это знала по собственному опыту, осталось всего ничего, и скоро, совсем скоро исполнится то, о чем я так долго мечтала. Многие паломники дремали, низко опустив головы, но мне было не до этого: для меня была важна каждая минута, нет, каждая секунда, проведенная в том месте, где Иисус Христос претерпел страшные мучения, был распят на Кресте, а потом, в третий день, воскрес. Я благодарила Господа за то, что Он привел меня сюда, в это святое место, молилась о своих близких, друзьях и знакомых, о новых подругах-паломницах, прочитала один акафист, другой, третий, и в этот момент появились полицейские и солдаты внутренних войск. Они стали выгонять паломников из Храма. Поднялся невообразимый шум; отчаянные крики, вопли, визг, плач неслись со всех сторон; полицейских и солдат это мало волновало; перекрывая шум грубыми мегафонными выкриками и назойливо действуя на психику, они шли стеной, не обращая внимания на протесты паломников, и в считанные минуты очистили Храм.

– Вот тебе и благословение Патриарха, – поправляя сбившийся платок на голове и поясок на плаще, – сказала Людмила Леонидовна.

– Они признают только благословение князя тьмы, – немного придя в себя, добавила Варвара Васильевна.

Служителям «порядка» этого показалось мало: они стали вытеснять паломников с площади, прилегающей к Храму, в близлежащие улочки. Нас гнали, как скот. Солдаты то и дело пускали в ход резиновые дубинки. Я видела, как один русский священник, который пытался протестовать, получил такой удар, что еле устоял на ногах. Я взяла за руку Людмилу Леонидовну, а она – Варвару Васильевну, и так мы держались вместе.

Через некоторое время мы оказались на узкой улочке; солдаты перегородили ее решетками; рослые, перетянутые ремнями, с невозмутимыми, отстраненными лицами, они стояли в одном метре от нас, всем своим видом давая понять, что с ними шутки плохи.

– Концлагерь какой-то, да и только, – тихо, так, чтоб никто из посторонних не слышал, молвила Варвара Васильевна. – В каких только передрягах не была, а такого еще не видела.

Один солдат, в очках и с тонкими усиками, был русским эмигрантом; мы это поняли по нескольким русским словам, которые он то ли невзначай, то ли сознательно обронил.

– Сынок, – улучив момент, обратилась я к нему, – что же дальше-то будет?

– Терпи, мать, терпи, – кратко ответил он.

Не успел он произнести эти слова, как офицер грубо прикрикнул на него и приказал отойти в сторону.

Я все время ловила его глазами, рано или поздно надеясь получить от него какую-нибудь утешительную весточку. И не ошиблась. Воспользовавшись тем, что офицер отлучился куда-то по неотложным делам, солдат

подошел ко мне и, делая вид, что поправляет сдвинутую решетку, чуть слышно произнес:

– В десять часов будем пропускать в Храм.

Однако до десяти было еще далеко: едва-едва начинало светать. Хорошо, что у нас были раскладные стульчики, и мы смогли немного отдохнуть. Именно немного, потому что около семи часов толпа, находящаяся у решеток, начала уплотняться; солдаты сдвинули одну из решеток в сторону и стали пропускать какие-то делегации – греков, арабов, итальянцев. Через некоторое время проход закрыли.

А народ все прибывал; я по-прежнему стояла у самой решетки; напор толпы становился все сильнее; казалось, те несколько сот человек, которые находились сзади, давили только на меня; я поняла, что попала в ловушку; выйти из толпы, занять какое-то другое место, просто повернуться для того, чтобы свободнее вдохнуть воздух, было совершенно невозможно; напор толпы усилился, и я почувствовала, как захрустели мои ребра.

– Пустите меня! – собрав последние силы, закричала я, но вряд ли в таком шуме и гаме, который царил вокруг, кто-нибудь услышал меня. Я повисла на железной решетке – еще чуть-чуть и упаду, если только мне дадут упасть. В довершение несчастий острые выступы решетки поранили мои ноги.

Подруги были рядом, но ничем не могли мне помочь, потому что, как и я, были стиснуты; и все же им было проще – они не соприкасались с решеткой.

«Господи, помилуй! Господи, пощади! – шептала я. – Никто не может, так Бог поможет».

Вдруг ко мне подошел тот самый солдат, в очках и с тонкими усиками, обеими руками отодвинул меня от решетки; обессиленная, я сантиметр за сантиметром стала сползать вниз – между телами других людей; солдат поддерживал меня за подмышки.

– Помогите! – не крик, а хриплый стон вырвался из моей груди, и я потеряла сознание.

Очнулась вне толпы; первое, что поняла, – жива! Кто-то положил на мой лоб мокрый платочек.

– В больницу!

Узнала голос Людмилы Леонидовны.

– Скорее!

Голос Варвары Васильевны.

– Нет! – Я отрицательно покачала головой. – В Горний!

– А если операция?

– Только в Горний!

Через полчаса такси доставило нас в монастырь. Идти я не могла. Лечь не могла. Дышать не могла. Подруги посадили меня на стул около храма.

– Вы поезжайте на Благодатный Огонь, – сказала я, – еще успеете.

– А ты?

– Я посижу.

Они уехали.

Стояла необыкновенная тишина. Не шелохнулась ни одна веточка, не шелестела монашеская мантия, не слышно было человеческого голоса, не звонил колокол, даже птички не пели.

«Надо же такому случиться. Столько лет мечтала о Благодатном Огне, и вот вместо радости – скорбь. – Я обеими ладонями вытирала слезы, которые текли по щекам. – Не повезет так уж не повезет.

Все наши сейчас в Храме – и паломники, и сестры обители. Вот-вот сойдет Благодатный Огонь, и все будут радоваться».

Я почувствовала себя самым несчастным человеком на свете. И самым оставленным.

А потом как бы очнулась. «Почему несчастным? Почему оставленным? Наоборот! Сейчас Христос висит на Кресте, распятый иудеями. Он невыносимо страдает. Он проливает Кровь – каплю за каплей – за всех нас, в том числе и за меня. Я тоже пострадала от злобных иудеев. И, значит, сораспялась Христу. В эти минуты я страдаю вместе с Ним, раздавленная, почти сплюснутая, еле живая. Слава Тебе, Господи, что Ты сподобил меня такой великой чести! Я самый счастливый человек на свете!»

Дохнул порыв ласкового ветерка, теплые лучи южного солнца упали на мое лицо, на веточку мимозы села светло-желтая пичужка и весело зачирикала.

Неожиданно раздался колокольный звон; звучали все колокола – так бывает только в самых торжественных случаях. На дорожке показались монахини, а впереди – матушка игумения; в руках у нее была лампада, и в ней сиял Благодатный Огонь.

Я встала со стула и пошла навстречу игумении – так мне хотелось побыстрее встретить Благодатный Огонь. Сделав несколько шагов, я поняла, что у меня ничего не болит: ни ноги, ни руки, ни ребра, ни легкие, ни язва

желудка, от которой я страдала многие годы. Я чувствовала себя совершенно здоровой. Сознание этого так поразило меня, что я остановилась на месте.

Сияющая игуменья подошла ближе, зажгла пучок свечей и протянула мне. Я с великим трепетом взяла его. Благодатный Огонь сам пришел ко мне. В свете дня пламя было бледным, но для меня оно сияло ярче солнца. Я чувствовала себя такой счастливой, переполненной необыкновенной светлой радостью, все во мне так пело и ликovalo, как будто уже наступила Пасха!